

В ПОИСКАХ КРОНПРИНЦА

Борьба против Берии, развернувшаяся после смерти Сталина, стала для Хрущева важным этапом восхождения к единоличной власти. Никита Сергеевич пустил в широкие партийные массы версию о том, что Лаврентий Павлович — это матерый враг народа, английский и мусаватистский шпион, готовивший заговор против партии и народа, да еще и развратник, каких поискать. Все эти тезисы впервые прозвучали на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г., посвященном разоблачению т. н. «заговора Берии», а затем были повторены в сообщении о суде над Берией и его сообщниками и о приведении приговора в исполнение.

А что же было на самом деле? Для того чтобы понять истоки так называемого «заговора Берии» (а на самом деле — заговора Хрущева и Маленкова против Берии), необходимо вернуться на несколько лет назад, в последние годы правления Сталина.

В октябре 1945 года Иосиф Виссарионович неожиданно ушел в длительный отпуск — вплоть до середины декабря и отправился в Сочи. Ходили слухи, что перед этим он перенес микроинфаркт или микроинсульт, но документальных доказательств этому нет. Вероятно, на Иосифа Виссарионовича большое впечатление произвел фильм Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», где болезнь царя служит для выявления подлинного лица «реакционного боярства». После того как Сталин надолго пропал из Москвы, в мировой прессе стали циркулировать слухи о его болезни и даже смерти и стал серьезно обсуждаться вопрос о возможных

преемниках. На хозяйстве в Политбюро Иосиф Виссарионович оставил четверку из Молотова, Маленкова, Берии и Микояна. Именно в таком порядке убывал их рейтинг. Молотов был поставлен старшим, далее следовал заместитель Сталина по партии Маленков, затем — Берия, еще остававшийся наркомом внутренних дел и уже возглавивший атомный проект, а замыкал список Микоян, нарком внешней торговли, курировавший гражданские отрасли народного хозяйства. Когда Сталин обращался не к Молотову, а к остальным членам правящей четверки, то на первом месте в шифрограммах ставил Маленкова, за ним Берию, а в конце — Микояна. Интересно, что как раз в это же время происходили вооруженные выступления в иранском Азербайджане. Телеграммы о положении здесь глава компартии Азербайджана Багиров и командующий Закавказским военным округом генерал Масленников адресовали Молотову, Маленкову и Берии, Микоян же в число адресатов не входил.

После войны главная задача, которую решал Сталин, была проблема выбора преемника, который смог бы удержать все завоеванное в 1939—1945 годах и сохранить в стране коммунистический строй. Поскольку в годы Великой Отечественной войны был сделан упор на патриотизм русского народа, что отразилось, в частности, в знаменитом сталинском тосте за его здоровье, а также в свете развернутой после войны кампании по борьбе с «безродным космополитизмом» преемник мог быть только русским по национальности. Поэтому в этом качестве сразу же отпадали Лаврентий Берия и Анастас Микоян. Климент Ворошилов плохо показал себя еще во время финской войны, и Великая Отечественная подтвердила его ничтожные качества как руководителя. Поэтому как преемника Сталин его не рассматривал. Зато первым кандидатом на роль преемника казался Молотов, которого уже с начала 30-х годов воспринимали в качестве второго человека в стране после Сталина.

Главной целью эксперимента было проверить, годится ли Молотов на роль преемника. Сталин, которому вот-вот должно было стукнуть 67 (или 66, как считалось официально), все больше задумывался, что он не вечен и уже не за горами время, когда после его смерти власть должен будет взять кто-то другой. Трагический парадокс стареющего вождя заключался в том, что преемника он хотел бы иметь немногим хуже себя самого. Чтобы был умный, решительный, преданный безраздельно делу коммунизма, способный противостоять проклятым империалистам и если не сокрушить их, то, по крайней мере, еще дальше раздвинуть пределы советской империи. Но сам же Сталин, заботясь о сохранении собственной безраздельной власти, сделал все, чтобы людей с такими качествами в его окружении не осталось. Все соратники были тонкошеие и несамостоятельные, привыкшие ловить каждое сталинское слово. Да что слово — даже вздох или кашель. А уж если великий кормчий хмурил брови...

Между прочим, Молотов хорошо относился к творчеству Эйзенштейна. Именно по его инициативе после запрета «Бежина луга», 9 мая 1937 года было принято постановление Политбюро, предлагавшее главе комитета по кинематографии Б.З. Шумяцкому «использовать т. Эйзенштейна, дав ему задание (тему), предварительно утвердив его сценарий, текст и прочее». А во время памятного разбора Сталиным на встрече 26 февраля 1947 года с Эйзенштейном и Черкасовым второй серии фильма «Иван Грозный», вызвавшей гнев генералиссимуса, Молотов сделал довольно умеренные замечания. Он подчеркнул, что сделан упор на психологизм, на чрезмерное подчеркивание внутренних психологических противоречий и личных переживаний» царя. Молотов также вспомнил Демьяна Бедного, отметив, что «исторические события надо показывать в правильном осмыслении. Вот, например, был случай с пьесой Демьяна Бедного «Богатыри». Демьян Бедный там издевался над

крещением Руси, а дело в том, что принятие христианства для своего исторического этапа было явлением прогрессивным». Покойному Демьяну уже не повредишь, тем более что после «Богатырей» он исправился и с началом Великой Отечественной войны вернул себе благосклонность вождя, посмертно почтившего его выпуском собрания сочинений. А потому Вячеслав Михайлович предпочитал критиковать его, а не Эйзенштейна. Еще Молотов пожалел детей русских эмигрантов в Праге, о которых вдруг завел разговор Черкасов, заметив, что они никогда не были на Родине. Вячеслав Михайлович бодро отрапортовал по должности: «Мы сейчас даем широкую возможность возвращения детей в Россию» (притом, что кое-кто из их родителей отправился напрямик в ГУЛАГ — но об этом Молотов, естественно, умолчал). Словом, Молотов, чувствуется, искал любую возможность, чтобы не критиковать фильм Эйзенштейна, увести разговор на посторонние темы, хотя против сталинских оценок не возражал и поддакивал Иосифу Виссарионовичу, но очень в меру. И отказался читать сценарий на предмет поправок, заметив с улыбкой: «Нет, я работаю несколько по другой специальности. Пускай читает Большаков» (глава Комитета по кинематографии). И еще пошутил по поводу исполнения Черкасовым роли режиссера в новом фильме «Весна»: «И вот тут Черкасов сведет счеты со всеми режиссерами!» А один раз Молотов все-таки рискнул поправить Сталина, но поправил так, что лишь усилил аргумент Кобы. Сталин, чтобы доказать, что не надо торопиться с завершением «Ивана Грозного», привел в пример Эйзенштейну Репина, который работал над своими «Запорожцами» 11 лет. Вячеслав Михайлович поправил — 13 лет. Но Иосиф Виссарионович упрямо повторил — 11 лет. Даже возражение в подобном мелком вопросе он не терпел, по крайней мере, в присутствии беспартийной публики. После этого Молотов на всякий случай повторил, вслед за Ждановым, что «злоупотребление религиозными обрядами» в

фильме «дает налет мистики, которую не нужно так сильно подчеркивать». Но в целом на обсуждении картины он был наименее кровожадным, хотя и защищать Эйзенштейна, пытаться доказать, что ряд претензий, предъявляемых картине, на самом деле беспочвенны, не рискнул. Вячеслав Михайлович чувствовал, что свою эпоху Грозного режиссер во многом списал с эпохи Сталина. Возможно, Молотов и понял, что вождь устраивает ему и соратникам по Политбюро проверку в стиле Грозного. Но даже это знание не уберегло человека № 2 в советском руководстве от ряда роковых ошибок. Вячеслав Михайлович уже отвык действовать самостоятельно и в отсутствие прямых указаний Сталина не смог найти правильную линию во внешнеполитических делах, отвечавшую желанию генералиссимуса.

Все усиливавшиеся слухи о болезни и даже смерти советского вождя, в конце концов, начали сильно раздражать Сталина. Игра зашла слишком далеко и стала угрожать сталинскому престижу. Молотова же он стал подозревать в излишней уступчивости англичанам и американцам, чтобы им понравиться и тем увеличить шансы на признание в качестве сталинского наследника. 5 декабря Иосиф Виссарионович в шифровке, адресованной Молотову, Маленкову, Кагановичу и Берии, обрушился на Вячеслава Михайловича: «Дня три тому назад я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКВД допустил ошибку, пропустив корреспонденцию газеты «Дейли Геральд» из Москвы, где излагаются всякие небылицы и клеветнические измышления насчет нашего правительства, насчет взаимоотношений членов правительства и насчет Сталина. Молотов мне ответил, что он считал, что следует относиться к иностранным корреспондентам более либерально и можно было бы пропускать корреспонденцию без особых строгостей. Я ответил, что это вредно для нашего государства. Молотов сказал, что он немедленно даст распоряжение восстановить строгую цензуру. Сегодня, однако, я читал в телеграм-

мах ТАСС корреспонденцию московского корреспондента «Нью-Йорк Таймс», пропущенную отделом печати НКВД, где излагаются всякие клеветнические штуки насчет членов нашего правительства в более грубой форме, чем это имело место одно время во французской бульварной печати. На запрос Молотову по этому поводу Молотов ответил, что допущена ошибка. Я не знаю, однако, кто именно допустил ошибку. Если Молотов распорядился дня три назад навести строгую цензуру, а отдел печати НКВД не выполнил этого распоряжения, то надо привлечь к ответу отдел печати НКВД. Если же Молотов забыл распорядиться, то отдел печати НКВД ни при чем, и надо привлечь к ответу Молотова. Я прошу Вас заняться этим делом, так как нет гарантии, что не будет вновь пропущен отделом печати НКВД новый пасквиль на советское правительство. Я думаю, что нечего нам через ТАСС опровергать пасквили, публикуемые во французской печати, если отдел печати НКВД будет сам пропускать подобные пасквили из Москвы за границу».

На следующий день с подачи Молотова четверка отработала, что во всем виноват стрелочник — заместитель заведующего отделом печати Горохов, не придавший должного значения злополучной телеграмме. Тут Сталина провало. 6 декабря Сталин обратился уже только к Маленкову, Берии и Микояну, игнорируя Молотова: «Вашу шифрограмму получил. Считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом пассивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, т. е. Молотова, с другой стороны. Что бы вы там ни писали, вы не можете отрицать, что Молотов читал в телеграммах ТАСС и корреспонденцию «Дейли Геральд», и сообщение «Нью-Йорк Таймс», и сообщение Рейтера. Молотов читал их раньше меня и не мог не заметить, что пасквили на советское правительство, содержащиеся в этих сообщениях, вредно отразятся на престиже и интересах нашего государства. Однако он не принял никаких мер, чтобы положить конец безобразию, пока я не

вмешался в это дело. Почему он не принял мер? Не потому ли, что Молотов считает в порядке вещей фигурирование таких пасквилей, особенно после того, как он дал обещание иностранным корреспондентам насчет либерального отношения к их корреспонденциям? Никто из нас не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нашей политики. А Молотов присвоил себе это право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквилы входят в план его работы?

Присылая мне шифровку, вы рассчитывали, должно быть, замазать вопрос, дать по щекам стрелочнику Горохову и на этом кончить дело. Но вы ошиблись так же, как в истории всегда ошибались люди, старавшиеся замазать вопрос и добивавшиеся обычно обратных результатов. До вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем.

Эту шифровку я посылаю только вам трем. Я ее не послал Молотову, так как не верю в добросовестность некоторых близких ему людей. Я вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, копии ему не передавать».

После такой телеграммы вполне мог последовать арест. Все участники драмы это понимали. Маленков, Берия и Микоян уже предвкушали, что четверка превратится в тройку, а главный из потенциальных наследников разделит судьбу Зиновьева и Бухарина. 7 декабря тройка телеграфировала Сталину: «Вызвали Молотова к себе, прочли ему телеграмму полностью. Молотов, после некоторого раздумья, сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился».

Мы, со своей стороны, сказали Молотову об его ошибках:

1. Мы напомнили Молотову о его крупной ошибке в Лондоне, когда он на Совете министров (иностраннных дел. — Б. С.) сдал позиции, отвоеванные Советским Союзом в Потсдаме и уступил нажиму англо-американцев, согласившись на обсуждение всех мирных договоров в составе 5 министров (с участием Франции и Китая. — Б. С.). Когда же ЦК ВКП(б) обязал Молотова исправить эту ошибку, то он, сославшись без всякой нужды на указания правительства, повел себя так, что в глазах иностранцев получилось, что Молотов за уступчивую политику, а советское правительство и Сталин неуступчивы (такая самовольная попытка Вячеслава Михайловича предстать в глазах западных партнеров добрым следователем, передав Сталину роль злого следователя, Иосифу Виссарионовичу ох как не понравилась. — Б. С.).

2. Мы привели Молотову другой пример, когда он противопоставил себя советскому правительству, высказав Гарриману свою личную уступчивую и невыгодную для нас позицию по вопросу голосования в Дальневосточной комиссии...

3. Мы сказали Молотову, что понадобилось вмешательство Сталина, чтобы он, Молотов, обратил внимание и реагировал на гнусные измышления, распускаемые о Советском правительстве «Рейтером», со ссылкой на парижское агентство и его московского корреспондента, и что даже после этого указания Молотов прошел мимо клеветнических телеграмм московских корреспондентов «Дейли Геральд» и «Нью-Йорк Таймс». Понадобилось снова вмешательство Сталина, хотя Молотов мог и должен был сам своевременно реагировать.

4. Мы указали Молотову, что он неправильно поступил, дав 7 ноября на банкете согласие на прием сыну Черчилля, который в это время находился в Москве, как корреспондент газеты, и хотел получить интервью у Молотова. Прием сына Черчилля не состоялся, так как мы высказались против.

5. Наконец, мы сказали Молотову, что все сделанные им ошибки за последний период, в том числе и ошибки в вопросах цензуры, идут в одном плане политики уступок англо-американцам и что в глазах иностранцев складывается мнение, что у Молотова своя политика, отличная от политики правительства и Сталина, и что с ним, Молотовым, можно сработаться

Молотов заявил нам, что он допустил много ошибок, что он читал раньше Сталина гнусные измышления о советском правительстве, обязан был реагировать на них, но не сделал этого, что свои лондонские ошибки он осознал только в Москве.

Что же касается Вашего упрека в отношении нас троих, считаем необходимым сказать, что мы в своем вчерашнем ответе исходили из Вашего поручения в шифровке от 5 декабря выяснить, кто именно допустил ошибку по конкретному факту с пропуском телеграмм московского корреспондента «Нью-Йорк таймс», а также проверить правильность сообщения «Рейтер» от 3 декабря. Это нами было сделано и Вам сообщено. Может быть, нами не все было сделано, но не может быть и речи о замазывании вопроса с нашей стороны».

Вячеслав Михайлович почувствовал, что вот-вот его могут объявить матерым английским шпионом, и бросился каяться по полной программе. Пустил скупую наркомовскую слезу перед коллегами по коллективному руководству и отправил 7 декабря красноречивую телеграмму Сталину: «Познакомился с твоей шифровкой на имя Маленкова, Берия, Микояна. Считаю, что мною допущены серьезные политические ошибки в работе. К числу таких ошибок относится проявление в последнее время фальшивого либеральничанья в отношении московских инкоров. Сводки телеграмм инкоров, а также ТАСС я читаю и, конечно, обязан был понять недопустимость телеграмм, вроде телеграммы корреспондента «Дейли геральд» и др., но до твоего звонка об

этом не принял мер, так как поддался настроению, что это не опасно для государства. Вижу, что это моя грубая, оппортунистическая ошибка, нанеся вред государству. Признаю также недопустимость того, что я смазал свою вину за пропуск враждебных инкоровских телеграмм, переложив эту вину на второстепенных работников.

Твоя шифровка проверена глубоким недоверием ко мне, как большевику и человеку, что принимаю, как самое серьезное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое дороже моей жизни».

И вслед за покаянной телеграммой пришло сообщение, что Молотов добился успеха, убедив западных партнеров провести очередную встречу министров иностранных дел в Москве 15 декабря в составе тройки, т. е. без участия не только Китая, но и Франции, для обсуждения вопросов, имеющих актуальное значение для США, Великобритании и СССР. Сталин сразу смягчился. Его успокоило также то, что Молотов прослезился, а в покаянной телеграмме прямо дал понять, что его жизнь в руках вождя, и не пытался оправдаться. Значит, нет у него в душе стержня, сломался соратник и никогда не рискнет выступить против вождя, чтобы приблизить свое вступление в наследство. А вот тройка Маленков, Берия, Микоян, напротив, Сталина разочаровала. Они готовы огульно охать чуть ли не все внешнеполитические достижения СССР, забывая, что к ним причастен не только глава НКВД, но, в первую очередь, сам Иосиф Виссарионович. И отказывались признать свои ошибки.

Поэтому Сталин ответил тройке 8 декабря короткой раздраженной шифровкой: «Вашу шифровку от 7 декабря получил. Шифровка производит неприятное впечатление ввиду наличия в ней ряда явно фальшивых положений. Кроме того, я не согласен с вашей трактовкой вопроса по существу. Подробности потом в Москве».

Но генсек не стал дожидаться возвращения в столицу, и в ночь с 8-го на 9 декабря отправил длинную шифrogramму, сначала озаглавленную «Для четверки». Но затем заголовок был исправлен на «Молотову для четверки». Доверие к Вячеславу Михайловичу как будто было частично восстановлено. Большое дело — вовремя поплакать.

Впрочем, вряд ли слезы Вячеслава Михайловича в чем-либо разубедили Сталина. Он-то знал, что Молотов — превосходный артист, не хуже своего племянника Бориса Чиркова, и, если надо, великолепно сыграет и слезы, и истерику.

«Дейли мэйл» еще 12 ноября 1945 года писала, со ссылкой на «хорошо осведомленные финские круги», будто «Сталин в закрытом письме, переданном на хранение в Президиум Верховного Совета, лично назвал Жданова своим преемником». При этом утверждалось, что Жданов, находившийся тогда в Хельсинки в качестве председателя Союзной Контрольной комиссии по Финляндии, «является таким же анонимом, каким был Сталин, когда умер Ленин», и что «после Берии Жданов пользуется самыми широкими полномочиями в советской системе безопасности».

Сталин, убедившись в негодности Молотова в качестве верховного руководителя страны, как бы прислушался к мнению зарубежной прессы и обратил свое внимание на «анонима» Жданова. Раз Андрея Александровича на Западе сравнивают с ним, Сталиным, каким он был после смерти Ленина, есть надежда, что Жданов продолжит правильный курс и не капитулирует перед Англией и США. К тому же его сын Юрий должен жениться на дочери Сталина Светлане. Правда, оформление брака Юрия и Светланы затянулось, в том числе из-за того, что молодые не слишком симпатизировали друг другу. Свадьба состоялась только весной 1949 года, уже после смерти А.А. Жданова. Но осуществление этой комбинации Сталин начал еще при жизни предполагаемого преемника, рассчитывая тем самым привязать его к своей семье и исключить в будущем реви-

зию сталинского наследия и преследования против детей генералиссимуса. Другое дело, что после смерти Жданова его сын перестал быть привлекательным зятем для Сталина, и он достаточно спокойно воспринял их развод на исходе 1951 года.

В результате опалы Молотова на первый план вышла ленинградская команда во главе со Ждановым, взявшим на себя партию первой скрипки в борьбе с «безродными космополитами».

В результате вернувшийся из Финляндии Жданов 13 апреля 1946 года был назначен вторым секретарем ЦК, отвечавшим за идеологию и оргработу в партии. Маленков же 4 мая вообще лишился поста секретаря ЦК. Прежде курировавший организационные вопросы Георгий Максимилианович, пострадавший из-за дела о приеме на вооружение заведомо бракованных самолетов, стал теперь отвечать за организационные вопросы в правительственных структурах.

Маленков в тот момент не рассматривался Сталиным в качестве своего вероятного преемника. Хрущев в своих мемуарах засвидетельствовал, что Сталин хорошо сознавал полную ничтожность Маленкова в качестве публичной фигуры: «Маленков никогда не занимал собственной позиции, не играл собственной роли. Он всегда был на побегушках. Сталин довольно образно при беседах в узком кругу говорил о нем: «Это писарь. Резолюцию он напишет быстро, не всегда сам, но организует людей. Это он сделает быстрее и лучше других, а на какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу он не способен». Да он, по-моему, и не претендовал открыто на это. С Маленковым еще лет за пять до смерти Сталина, в Сочи, куда я как-то приехал по вызову Сталина, я однажды резко поговорил, обратив его внимание на то, что он не занимает своей позиции и проявляет бесхребетность в отношении Берии, а Берия издевается над ним. Тогда Маленков сказал мне, что он это знает, но не видит возможности, как поправить дело и

избавиться от этого. Он считал, что ему быть вместе с Берией выгодно для его персоны. Впрочем, действительно так оно и было. Он поддерживал Берию, а Берия поддерживал Маленкова. Поэтому акции Маленкова и ценились высоко, хотя Сталин очень критически относился к его личным способностям руководителя».

Булганин? Булганин относился к Берии сдержанно, и когда я с ним говорил по этому вопросу и высказывал свое отрицательное отношение к Берии, он соглашался со мною.

Многие и сейчас думают, что Берия и после войны, до самой смерти Сталина, возглавлял органы государственной безопасности. Да и в строевой песне пограничных и внутренних войск пелось:

Чекисты мы, нам Родина доверила
Всегда беречь родной советский дом.
Вперед, за Сталиным ведет нас Берия,
Мы к зорям будущим уверенно идем.

Но песня песней, а послевоенная реальность, как мы убедились, была весьма далека от нее. На практике в тот период Лаврентий Павлович имел очень мало касательства к деятельности органов безопасности. Сталин действительно освободил Берию от поста главы НКВД, но только потому, что незадолго до этого, в августе 45-го, Лаврентий Павлович возглавил Спецкомитет, главной задачей которого стало скорейшее создание советской атомной бомбы. Глупо думать, будто Сталин перебросил Берию на этот пост для того, чтобы лишить его контроля над органами госбезопасности. Ведь наряду с поисками преемника создание атомной бомбы было главной задачей, которую Сталин решал в послевоенный период, чтобы достичь в этой сфере паритета США и утвердиться в качестве одной из двух мировых сверхдержав. Правда, реального паритета в ракетно-термоядерной сфере при жизни Сталина достичь не удалось.

Не было такого паритета и при Хрущеве. Он был достигнут только во времена Брежнева. Однако еще при жизни генералиссимуса, осенью 49-го, советская атомная бомба была уже испытана, что позволило Сталину чувствовать себя более уверенно на международной арене. А к моменту ареста Берии все было готово и к испытанию водородной бомбы.

Нет никаких сомнений, что Сталин назначил Берию главой Спецкомитета отнюдь не потому, что необходимо было устранить Лаврентия Павловича от контроля над органами безопасности. Просто генералиссимус не сомневался, что Лаврентий Павлович лучше других справится с этой сложной задачей.

Как мы убедились, принципиально вопрос об уходе Берии из НКВД и замене Меркулова во главе НКГБ был решен еще осенью 1945 года, причем Берия никак не пытался защитить своего протеже Меркулова и едва ли не был инициатором смещения Всеволода Николаевича, не стяжавшего лавров в борьбе с иностранным шпионажем. Сталин, однако, предпочел видеть руководителем органов госбезопасности не предлагаемого Берией Рясного, а Абакумова, с которым ему довелось тесно работать в годы войны, когда Виктор Семенович возглавлял военную контрразведку СМЕРШ. Само по себе такое решение не свидетельствовало о недоверии к Берии. Ведь после ухода из НКВД, в марте 1946 года, Лаврентий Павлович стал членом Политбюро. При этом он остался заместителем председателя Совета министров и в какой-то мере продолжал курировать органы госбезопасности. Если бы Сталин не доверял Берии и уж тем более если бы собирался в скором времени от него избавиться, то вряд ли бы сделал его полноправным членом Политбюро. Ведь не принадлежавших к оппозиции членов Политбюро вообще не принято было судить открытым судом. В то же время, Берия отнюдь не был единственным куратором органов, к тому же руководство атомным проектом оставляло мало времени для других дел. Да и кадровых